

УДК 165.2

К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ СУБЪЕКТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ

Т.Ф. Пыхтина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: taleal@ngs.ru

Рассматривается одна из ключевых проблем гносеологии – проблема свободы субъекта познания в ее современной трактовке постмодернизма. Отмечены те сложности и противоречия, которые возникают в связи с ориентацией на абсолютизацию свободы познающего субъекта.

Ключевые слова: познание, субъект, объект, реальность, постмодернизм, дискурс.

ON THE MATTER OF LIBERTY OF SUBJECT IN REALITY INTERPRETATION

T.F. Pykhtina

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: taleal@ngs.ru

One of the key issues of epistemology – issue of liberty of subject of cognition in its modern postmodernism treatment is considered. Difficulties and contradictions arising from orientation towards liberty absolutization of cognizing subject are noted.

Key words: cognition, subject, object, reality, postmodernism, discourse.

Проблема субъекта всегда являлась ключевой в теории познания. Она обращена к самой сущности познания и знания. Тот круг проблем, который связан с определением места и роли субъекта познания, выходит на первый план, поскольку их решение непосредственно раскрывает природу знания и его регулятивные возможности. Современное познание отошло от классической бинарной оппозиции субъекта и объекта, от противопоставления идеи объекту, означаемого – означающему. Субъекту отведена, по сути, определяющая роль. Уже в кантовской философии впервые в качестве главного фактора, определяющего способ познания и конструирующего предмет знания, выступает не структура и характер познаваемой субстанции, а специфика познающего субъекта. Если обратиться к версиям современного, столь неоднородного постмодернизма, то увидим ряд общих положений, еще более усиливающих позиции субъекта в познании и выработке знания.

Постмодернизм кардинально изменил познавательную ситуацию, сделав упор на свободе субъекта в интерпретации познаваемой реальности: свобода – источник творения новой реальности. По сути, субъект имеет дело не столько с миром, сколько со своим отношением к этому миру в разных его формах, в контексте разных парадигм. Поскольку субъект оказался погружен в объект, а сама реальность человекообразной, то, на первый взгляд, может возникнуть ощущение произвола наблюдателя в зависимо-

сти от его собственных установок и целей. Однако рассуждения авторов показывают, что вопрос имеет более сложное решение.

Прежде всего, сама познаваемая реальность, понимаемая как текст (мы строим тексты, отражающие наши взаимоотношения с миром), задает смысл. Так, Ж. Деррида отмечал: «Факты сами по себе являются теоремами, их достаточно описать, т.е. рассказать, ... чтобы теория в качестве смысла самих вещей была произведена самим объектом описания. Смысл представляется сам собой, в порядке самопрезентации...» [4, с. 58]. Иначе говоря, через диалог текстов субъекта и реальности рождается понимание.

По мнению Дерриды и других представителей постмодернизма, современное познание находится в тупике, так как заключено в достаточно жесткие рамки категориального аппарата, который определяет методы познания действительности, тем самым навязывает свой смысл явлению. Поэтому надо освободиться от предписанных схем, обратиться к самой реальности как процессу, соблюдая принцип «ненасилия над природой». Единственным средством выхода за пределы навязанных смыслов он считал их деконструкцию с помощью глубинного анализа языка. Она откроет путь спонтанному мышлению, свободе интерпретации. Но это познание не следует понимать, как видно из дальнейших рассуждений Дерриды, в качестве произвольного, целиком зависящего от субъекта восприятия реальности. Как известно, постмодернизм широко опирается на позиции синергетики: хаос – конструктивный механизм самоорганизации сложных систем – текстов. В этом смысле, в качестве аттрактора может выступать и сам субъект (цель субъекта), но все же понимание выстраивается через столкновения, встречи с точками объекта – текста. По выражению другого видного представителя постмодернизма Ж. Делеза, «свертывание внешнего»: мыслить – это сталкиваться со «смыслом», который дан в виде бесформенного, в виде непостижимых «знаков», завораживающих разум [3]. Причем Делез рассматривает понимание более в психологическом аспекте, опираясь на «теорию желания». Его «теория желания» своеобразна тем, что само желание не связано с сущностью субъекта, а возникает из отношения к внешнему и приписывается субъекту лишь в столкновении с внешним (субъект «пребывает вне себя») как переживание. Конструкция понимания (познания) Делеза достаточно сложна, но все же очевидна ее обращенность к реальности – она в определенной мере определяет знание.

В свете рассматриваемой проблемы важно отметить еще то обстоятельство, что и сам познающий субъект приобрел другое значение. В современной трактовке он – коллективный и выступает как часть реальности, скорее даже, произведенная реальность: образ субъекта – индивида как объективного наблюдателя остался в прошлом. Отсюда следует его определенность рамками культуры в познавательных возможностях, ценностях и целях. Тем более, что и сам текст «...осваивается как феномен, “живущий” в культуре, несущий в себе отпечатки такого способа существования» [7, с. 52]. В этой связи следует еще учесть, что постмодернизм, отказавшись традиционно-классической трактовки истины, опирается на герменевтические традиции познания как понимания. Для понимания текста – реальности важны принципы целостности и историзма. Поэтому любой фрагмент реальности может быть рассмотрен только в связи с целым. Требование

целостности как необходимого условия понимания выводит к включенности текста в социально-исторические условия, культуру общества в целом. Текст выражает менталитет эпохи, реальное положение самого человека, хотя часто может быть и неосознанным. Так, Х.-Г. Гадамер, говоря о научном познании, писал: «В насковзь организованном обществе каждая группа интересов разворачивается по мере ее экономической и социальной власти. И научное исследование она оценивает также согласно тому, в какой мере его результаты будут полезны или вредны ее собственной власти. В этом отношении любое исследование должно опасаться за свою свободу, и любой естествоиспытатель знает, что его открытия с трудом могут добиться признания, если они невыгодны господствующим интересам» [2, с. 11].

Кроме того, представители постмодернизма, постоянно делая упор на свободу субъекта в познании, все же отмечают и другие границы, в которых действует познающий субъект. А именно: выбор поля, в котором осуществляется интерпретация, включает субъекта в определенный вид игры с соблюдением ее правил и приемов, выработанных в результате консенсуса. Знания, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, «...сформулированы совокупностями высказываний; высказывания являются “приемами”, направленными на игроков в рамках общих правил; эти правила являются специфическими для каждого знания» [6, с. 68]. Это означает, что знание, накопленное в ранее принятых высказываниях, всегда может быть опровергнуто. И наоборот, всякое новое высказывание, если оно противоречит высказыванию, принятому ранее как законное, может приниматься как законное, если оно опровергнет предыдущее посредством аргументов и доказательств. Объяснить данное положение можно тем, как отмечает автор, что в современном обществе языковые игры реализуются в форме институтов, которые приводятся в движение квалифицированными партнерами, профессионалами. Причем эти «приемы», средства аргументации достаточно подвижны, допускают активное введение новых суждений в зависимости от предварительной договоренности между партнерами. Как видим, претерпела существенное изменение трактовка обоснования знания. В приведенном примере принцип универсального метаязыка оказывается замещенным принципом множественности формальных и аксиоматических систем, используемых для аргументации. Таким образом, оказывается, что развитие знания идет по двум направлениям. Первый связан с новой аргументацией в рамках установленных правил. Второй – с изобретением новых правил, следовательно, с изменением игры. Здесь явно прослеживаются идеи постпозитивизма, но это уже другая проблема. Несомненно, субъект имеет свободу, так как сам выбирает, в какую игру (познавательную деятельность) ему включиться, но далее он должен следовать ее «приемам» – правилам. Из этого следует вывод: структуры познания не только независимы от опыта, но и делают опыт возможным. Поэтому получаемое знание – это не слепок объекта, а характеристика способа деятельности с ним, конструкция языка.

Вообще постмодернизм уделяет большое значение, едва ли не главное, роли языка, дискурса в познании. Поскольку современное познание строится на неопределенности, неполноте, неverifiedируемости, парадоксальности, фрагментарности (мир текуч, события всегда опережают теорию),

плюралистичности, то укоренилась вера в единственную реальность языка, дискурса. Поэтому субъект неизбежно включен в языковую игру, специфический дискурс, который определен правилами этой игры. Р. Барт, например, заметил, что язык не просто орудие созерцания, он активно это созерцание производит. «Я сам подчиняюсь требованиям символического кода, лежащего в основе произведения, иными словами, обнаруживаю готовность вписать свое прочтение в пространство, образованное символами» [5, с. 372].

Каждое поле познания понимается как форма эпистемологического путешествия, построения текста на основе существующего дискурса. Конструктивизм постмодерна дает образ мира в определенных лингвистических конструкциях, определяемых когнитивными интерпретирующими схемами, которые выступают в качестве интерсубъективных объективно значимых духовных структур. Тем самым язык как конструктор социальной реальности привносит организацию и значение в опыт познающего субъекта в качестве своеобразного инструмента познания. Как говорил М. Фуко, деятельность людей сводится к «дискурсивным практикам». Для каждой эпохи – своя эпистема (уровень культурного знания, образующегося из дискурса научных дисциплин). Эпистема – код, свод предписаний и запретов, по мнению ряда авторов, выступает как бессознательное. «...Для каждой конкретной исторической эпохи ... существование специфической эпистемы – «проблемного поля», достигнутого к данному времени уровня культурного знания, образующегося из дискурсов различных научных дисциплин. При всей разновидности этих дискурсов, обусловленной специфическими задачами разных форм познания, в своей совокупности они образуют ... более или менее единую систему знаний – эпистему. В свою очередь, она реализуется в речевой практике современников как строго определенный языковой код – свод предписаний и запретов» [8, с. 230–231]. Но, исследуя роль дискурса в познании, Фуко больше акцентировал внимание не на его денотативном значении, а, наоборот, вычитывание в дискурсе тех значений, которые подразумеваются, но остаются невысказанными, невыраженными, притаившись за фасадом «уже сказанного» (понимание дискурса как бессознательного, как неявного знания, по Фуко) [8]. При этом высказывания субъекта должны пройти процесс легитимации, быть принятыми к вниманию сообществом. «Когда заявляют, что высказывание, имеющее денотативный характер, истинно, то предполагают, что аксиоматическая система, в которой оно определено и доказуемо, была сформулирована, что она известна собеседникам и принята ими как безусловно наиболее удовлетворительная» [5, с. 105]. Конечно, в данном случае речь не идет о договоренности нескольких исследователей. Имеется в виду неограниченное коммуникативное сообщество с некоторой парадигмой языковой игры, которая приобретает черты трансцендентальности. По словам К.-О. Апеля, «очевидность, которая всегда моя», преобразуется в «априорную значимость высказываний для нас» [1, с. 194–195]. Получается, что с одной стороны, дискурсивные формации не зависят от человека, а с другой – они создаются социумом и контролируются им. Тем самым осуществляется путь, хотя и не единственный, к целостному (коллективному) субъекту познания, о котором говорит постмодернизм.

Таким образом, свобода трактовок и интерпретаций, которой наделен субъект в постмодернизме, не может рассматриваться как произвол (что находим у самих его представителей). В своих действиях он выступает и носителем культуры, и членом сообщества, которое определяет модель легитимации знания. Наконец, вовлечен в тот дискурс – своеобразный мета-язык, который обеспечивает понимание текста.

Литература

1. *Апель К.-О.* Трансформация философии. М., 2001. 344 с.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина в науках о духе // *Топос*. 2000. № 1. С. 7–12.
3. *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Раритет, 1998. 480 с.
4. Жак Деррида в Москве. М.: РИК, Культура, 1993. С. 13–81.
5. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 349–387.
6. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998. 163 с.
7. *Микешина Л.А.* Трансцендентальные измерения гуманитарного знания // *Вопросы философии*. 2006. № 1. С. 49–66.
8. *Фуко М.* Слова и вещи. СПб.: Acad, 1994. 405 с.

Bibliography

1. *Apel' K.-O.* Transformacija filosofii. M., 2001. 344 p.
2. *Gadamer H.-G.* Istina v naukah o duhe // *Topos*. 2000. № 1. P. 7–12.
3. *Deljoz Zh.* Logika smysla. M.: Raritet, 1998. 480 p.
4. *Zhak Derrida v Moskve*. M.: RIK, Kul'tura, 1993. P. 13–81.
5. *Zarubezhnaja jestetika i teorija literatury XIX–XX vv.* Traktaty, stat'i, jesse. M.: MGU, 1987. P. 349–387.
6. *Liotar Zh.-F.* Sostojanie postmoderna. SPb., 1998. 163 p.
7. *Mikeshina L.A.* Transcendental'nye izmerenija gumanitarnogo znaniya // *Voprosy filosofii*. 2006. № 1. P. 49–66.
8. *Fuko M.* Slova i veshhi. SPb.: Acad, 1994. 405 p.